

ОБРАЗЫ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ ПЕРИОДА ДИНАСТИЧЕСКИХ ВОЙН ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XV в. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена одному из аспектов в изучении истории Руси периода образования единого государства. Особое внимание уделено отечественной историографии династических войн второй четверти XV в., в частности образам галицких князей – оппонентов Василия в борьбе за великое княжение. Обращено внимание на эмоциональную окраску этих образов и проанализированы известия летописных источников, доступных исследователям XIX–XX вв. Предложены новые оценки князей и их деятельности.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь XV в.; московские князья; русское летописание XV–XVI вв.; историография.

В отечественной историографии, посвященной образованию единого русского государства в XIV–XV вв., сложилась традиция дифференцированного отношения к русским князьям данного периода. Деление всегда оказывалось двоичным. Рюриковичи делились (и делятся) на прогрессивных и остальных (реакционных, сепаратистов и просто недальновидных). К первым всегда относились московские князья. Применительно к событиям XV в., когда основные конфликты происходили, как правило, внутри самой московской княжеской семьи, такое противопоставление проводилось в рамках самой семьи. В этом вопросе можно выделить два основных аспекта. Во-первых, историки противопоставляют две ветви московского княжеского рода; во-вторых, речь идет о противопоставлении князей лично или сил, за ними стоящих. В качестве основных критериев противопоставления можно выделить: личные качества, качества политического деятеля, отношение к порядку наследования великого княжения и роль (прогрессивная или реакционная) в историческом процессе.

Обратить внимание на такое противопоставление представляется необходимым ввиду некоторого логического несоответствия, возникающего при использовании данной схемы межкняжеских отношений в XIV и XV вв. Московские младшие князья на раннем этапе существования княжества не имеют негативных характеристик в историографии (младшие сыновья кн. Даниила Александровича, братья кн. Семёна Ивановича и даже не очень спокойный двоюродный брат великого князя Дмитрия Ивановича (Донского) Владимир Андреевич Серпуховской), при том что конфликты между старшими и младшими родственниками в это время известны. Младшие московские князья периода правления Василия I и Василия II в трудах исследователей чаще всего оцениваются как противники великих князей. Возникает вопрос, чем объяснялось наличие такого противопоставления в научных исследованиях и насколько летописные источники дают к тому основания? Ответ на это вопрос дает возможность выявить основные научные представления о содержании и характере политических процессов изучаемого периода, поскольку образы князей, оценка их деятельности оказывают влияние на конечные выводы исследователей.

В этой связи обращает на себя внимание своего рода коллективный образ целой ветви московской княжеской семьи – Юрия Дмитриевича Звенигородского и его сыновей (Василия Юрьевича Косого и Дмитрия Юрьевича Шемяки), которых в историографии принято называть галицкими князьями. Их всех вместе так или

иначе противопоставляют Василию II Васильевичу, которого всегда именуют «великим князем», что не совсем верно, поскольку по меньшей мере двое из так называемых галицких князей могут с полным основанием носить титул князей великих. Традиция такой бинарной оппозиции возникла в конце XV в. в летописании времен Ивана III. Политическая подоплека вполне понятна. Менее логически обосновано использование такой схемы в трудах исследователей, не пытавшихся отрицать тот очевидный факт, что все это князья московские, что делает их деление на удельных и великих в известной мере необоснованным.

Тем не менее удельные князья противопоставляются великим: галицкие – московским; законные «по новому обычаю наследования» – незаконным и, наконец, князья разумные и нравственные – недалеким и безнравственным. В лучшем случае Юрий и его сыновья просто противопоставляются старшей ветви московских князей как особый «клан» [1. С. 201] или владельцы отдельного княжества с явно выраженными сепаратистскими тенденциями [2. С. 744–745]. В отечественной исторической науке отношение ко всем трем проявившим себя галицким князьям весьма эмоциональное, что говорит о значимости событий, связанных с ними, не только, а может, и не столько для современников, сколько для историков. Интересно, что эмоциональное отношение к этим князьям присутствует и в положительном и в отрицательном контексте. Еще более интересно то, что монография А.А. Зимина [1], содержащая в целом положительные оценки галицких князей, долгое время не была издана и увидела свет только более чем через десять лет после смерти автора.

Н.М. Карамзин, первым из исследователей уделивший Юрию Дмитриевичу Звенигородскому серьезное внимание, дал ему довольно резкую негативную оценку, эмоциональность которой в значительной степени создала и закрепила стереотип восприятия этого князя. Читатель видит его «честолюбивым», «хищником», каким он якобы являлся в глазах москвичей; в довершение «...Юрию было около шестидесяти лет от рождения, не имея ни ума пронзительного, ни души твердой, он любил власть единственно по тщеславию, и, без сомнения, не возвысил бы великокняжеского сана в народном уважении, если бы и мог удержаться на престоле московском» [3. С. 146].

Л.В. Черепнин оценил звенигородского князя более сдержанно, отметив при этом, что, в отличие от Василия II, «неплохими организаторскими способностями и военным опытом обладал Юрий» [2. С. 758]. А.А. Зимин сделал предположение о наличии у звени-

городского князя «политической программы» и намерения вести антиордынскую борьбу. В моральном плане Юрий Дмитриевич оценен здесь чрезвычайно высоко, ему приписаны, в частности, «рыцарские представления о чести и верности» [1. С. 62–63]. Связано это с якобы отказом князя Юрия занять великокняжеский стол после поражения войск Василия II у р. Куси в 1434 г. В целом этот правитель оценен исследователем как «блистательный» [1. С. 195].

Если говорить о политических целях и представлениях о должном, почти все авторы сходятся на том, что звенигородский и галицкий князь – «защитник «старин»». В подтверждение приводятся слова, якобы сказанные боярином И.Д. Всеволожским в Орде на суде у хана Улуг-Мухаммеда, о том, что князь Юрий ищет великого княжения «по старым спискам» и «мертвой грамоте» отца своего [4. С. 16]. Исключение составил С.М. Соловьев, пришедший к выводу о том, что «...Юрий под предлогом старшинства вел борьбу вовсе не за старый порядок вещей и, добывши себе великое княжение, передавал его своим детям мимо законного наследника по старине» [5. С. 440]. Так же оценил его деятельность и В.О. Ключевский, полагая ко всему прочему, что такая смена ветвей княжеской семьи у власти должна была привести к краху и потере всех достижений московских князей [6. С. 42]. Несколько усложнил ситуацию А.Е. Пресняков, заявив, что в действиях Юрия Дмитриевича была не борьба за «старину», а напротив – «новость», заключающаяся в ссылке на завешание великого князя Дмитрия Ивановича [7. С. 385]. В результате впервые сложилась ситуация, когда старшинство должно быть передано как семейное владение, тогда как раньше оно было родовым. С данной точкой зрения можно поспорить. Речь в этом случае идет лишь о том, что в очередной раз в истории Руси одна из ветвей Рюриковичей оттеснила от великого княжения другую.

Оригинальностью отличается концепция Л.В. Черепнина, сделавшего акцент не на вопросе о «старом принципе наследования великокняжеской власти», а на борьбе объединительных и сепаратистских тенденций. В этом смысле вся почти семья галицких князей оказывается собранием консерваторов-сепаратистов, имеющих социальную опору только в своем уделе [2. С. 744–745]. В вопросе о конфликте за великое княжение исследователь придерживается достаточно взвешенной позиции в отличие от большинства своих предшественников. Он использовал находившиеся в его распоряжении псковские и новгородские летописи, указывающие на то, что оба князя в 1432 г. выехали из Орды после ханского суда без решения о великокняжеском столе. Однако он посчитал необходимым примирить это известие с известием великокняжеских летописей о получении ярлыка на великое княжение Василием II [2. С. 753–754]. В отличие от историков предшествующего времени Л.В. Черепнин признал наличие поддержки звенигородского и галицкого князя в разных слоях московского населения [2. С. 758]. Юрий Дмитриевич косвенно получил положительную оценку как борец с крепостническими тенденциями, существовавшими, с точки зрения автора, уже в это время. Кроме того, Л.В. Черепнин попытался совместить показа-

ния источников с принятой в советской науке концепцией, в результате чего звенигородский князь якобы стремился к обретению великого княжения и обособлению своего удела одновременно.

В результате обобщения содержащейся в исследованиях информации Юрий Дмитриевич предстает перед нами как ретроград, сепаратист, недалекий и властолюбивый человек и лицемер, за исключением работы А.А. Зимина, где князь показан в представляющем другую крайность идеальном положительном образе, что наводит на мысль о необходимости более осторожной оценки этого правителя и результатов его деятельности. С сыновьями Юрия Дмитриевича дело обстоит сложнее. В разные периоды времени они действовали вместе и раздельно. И хотя их принято, не без некоторых оснований, воспринимать как своего рода тандем, оценивать их именно в таком качестве довольно затруднительно. Попытаемся проанализировать представления в историографии о каждом из этих князей отдельно, насколько это возможно.

Василий Юрьевич Косой предстает перед нами в сочинении Н.М. Карамзина как человек безнравственный, не удостоившийся приязни даже со стороны родных братьев. Повествуя об отказе Дмитрия Юрьевича Шемяки и Дмитрия Юрьевича Красного поддержать претензии Василия Косого на великое княжение, он пишет, что братья ответили отказом, «не любя и презирая его» [3. С. 146]. Дальнейшие оценки, данные этому князю, эмоциональны и сугубо негативны. Он «сви-реп», «считал обман дозволенной хитростью» в военном деле и, наконец, после поражения в 1436 г. его настигли «в постыдном бегстве» [3. С. 146, 147]. Последний пассаж особенно бросается в глаза потому, что ни один другой князь-беглец этого периода не бывал, с точки зрения автора, именно в постыдном бегстве, хотя и Василию II, и Юрию Дмитриевичу, и Дмитрию Шемяке скрываться бегством приходилось, и надо сказать, что Н.М. Карамзин ни к кому из перечисленных лиц не отнесся с симпатией, скорее наоборот.

От эмоциональных, хотя и в меньшей степени, чем у предшественника, оценок не ушел и С.М. Соловьев. Описывая передачу в 1433 г. Юрием Звенигородским Коломны в удел побежденному племяннику вопреки возражениям Василия Косого и Дмитрия Шемяки, историк заметил, что Юрий был совестлив, в отличие от сыновей [5. С. 434], из чего можно сделать вывод о низкой оценке моральных качеств обоих старших Юрьевичей. Политическую деятельность обоих князей исследователь характеризует как новшество: «...они позабыли старину и знать ее не хотели» [5. С. 434]. Удержание Василием Косым Москвы после смерти отца трактуется как следование «новому обычаю». Но здесь же дается иное объяснение войн обоих братьев с Василием II Васильевичем: «Война идет во имя права самосохранения... Юрьевичи не разбирают средств для достижения цели; но средства, употребляемые Юрьевичами, вызывают подобные же и со стороны их соперника» [5. С. 436]. Четкой аргументации обеих своих мыслей автор не представил, лишь добавив черной краски в портреты обоих князей с целью обелить Василия II Васильевича, который в действительности первым показывает пример неразборчивости в средствах.

Так, например, на его совести оказалось три ослепления, прежде чем его самого настигла подобная участь. Таким образом, формируется негативный образ путем переноса недостойных качеств с «положительного» персонажа на «отрицательный». При этом положительным оказывается князь, которому а priori приписывалось стремление к созданию единого государства.

Очень коротко говорит о Василии Юрьевиче Л.В. Черепнин. Он оказался важен в большей степени не сам по себе, а для демонстрации безнадежности попыток галицких князей удержаться в Москве, что было бы вполне логично в рамках предложенной автором концепции. Если Галич и прилегающие земли переживали активные сепаратистские настроения, говорить о возможности их вокняжения на старшем столе, действительно, было бы невозможно. Василий Косой предстает в монографии Л.В. Черепнина как активный сепаратист, воюющий с великим князем, в ситуации, когда первоначальная причина конфликта была забыта [2. С. 763]. А.А. Зимин так же, как и его предшественники, предпочел на определенном этапе рассматривать Василия Косого и Юрия Шемяку вместе. Исходя из событий весны 1433 г., когда в период конфликта их отца с Василием II они находились на свадьбе у последнего, можно согласиться с тем, что безусловно амбициозные сыновья находились в конфликте с отцом и «в течение долгих лет шли рука об руку к власти» [1. С. 40–41, 56, 69]. Характеристики обоих братьев и в дальнейшем будут во многом совпадать, но если говорить о Василии Юрьевиче Косом, то он представлен энергичным, властолюбивым, стратегически мыслящим [1. С. 72], авторитарным «с задатками крупного полководца» [1. С. 77].

Таким образом, Василий Косой, князь, о котором сохранилось немного упоминаний в летописных и иных источниках, получил резкую негативную оценку, имеющую, может быть, некоторые основания. Однако своими отрицательными характеристиками он не отличается от любого другого правителя данной эпохи. Для многих отнесенных к нему оценок мы вообще не увидим оснований ни в летописях, ни в актовом материале. В довершение речи пойдет о самом противоречивом герое династических войн в Московском княжестве – Дмитрии Юрьевиче Шемяке. Образ этого представителя княжеского семейства, пожалуй, самый идеологически и эмоционально значимый из всех перечисленных и является одним из ключевых для проблемы образования единого русского государства. Н.М. Карамзин, естественно, в первую очередь уделит внимание моральному облику князя. И если его отец и брат были изображены негативно, то Дмитрий превзошел в этом смысле их обоих. Князь с первых же страниц характеризуется как «малодушный и жестокосердный». Интересно, что он получил такую оценку на двоих с Василием II Васильевичем. Историк подозревает Дмитрия Шемяку в злых умыслах по определению. Так, рассказывая об аресте Дмитрия великим князем в 1435 г., он осуждал последнего, но допускал при этом наличие каких-то недоказанных враждебных умыслов со стороны человека, приехавшего к Василию II с приглашением на свадьбу [3. С. 147].

Отрицательный образ разворачивается по мере развития событий. В 1437 г. Дмитрий Шемяка и Дмитрий

Красный пошли в поход на Белев, где в это время находился хан Улу-Мухаммед. Летописец говорит о бесчинствах московского войска по пути, и Н.М. Карамзин пришел к выводу о том, что оба Дмитрия «казались народу атаманами разбойников» [3. С. 150], и после этого великий князь «не мог доверять ни усердию, ни чести сыновей Юрьевых» [3. С. 151], хотя подобное поведение воинов в походе в Средние века было нормой. Для сравнения можно в качестве примера привести поход великого князя (и соправителя ослепленного отца) Ивана Васильевича на Кокшенгу против Дмитрия Шемяки в 1452 г. [4. С. 77]. В последовавшей в 1444–1445 гг. войне с Улуг-Мухаммедом и его сыновьями претензия к последнему из галицких князей оказалась еще более зыбкой. Историограф упомянул об участии Дмитрия Юрьевича в зимнем походе 1444–1445 гг. против татар, но в связи с Суздальской битвой, неудачно завершившейся для Василия II, он утверждал, что «Шемяка обманул Василия: сам не поехал и не дал ему ни одного воина» [3. С. 169], хотя здесь стоило бы задаться вопросом о причинах изменения поведения галицкого князя между январем и июлем 1445 г., если оно вообще изменилось. Судя по тексту летописи, использованной придворным историографом, Дмитрий Юрьевич – не единственный, кто не успел прийти на поле боя [4. С. 65].

Деятельность удельного князя и в последующих событиях 1445 г. оценивается подчеркнуто отрицательно. Правление Дмитрия Шемяки на великом княжении нам в деталях неизвестно, что не помешало Н.М. Карамзину обвинить князя в том, что он управлял, «не имея ни своей, ни чести, ни благоразумной системы государственной», попирав «начала справедливости, древние уставы, здравый смысл» [3. С. 176]. В довершение образа этого князя историограф утверждал, что смерть его казалась нужной для государственной безопасности.

Позиция С.М. Соловьева в отношении последнего галицкого князя практически не отличается от того, что сформулировал Н.М. Карамзин. Ему приписаны практически все черты, которыми представитель государственной исторической школы отметил Василия Косого. В своих конкретных действиях Дмитрий Шемяка в изображении исследователя представляется изменником. Нападение Василия II на этого князя в 1442 г. (летописи этого события не объясняют, что наводит на мысль о неблагоприятном поведении великого князя с точки зрения современников) объяснено тем, что удельный князь не явился на помощь против Улу-Мухаммеда в 1439 г. С.М. Соловьев ради этого пренебрег показаниями даже Никоновской летописи, излагающей официальную точку зрения на события о том, что князья не успели собраться для отражения набега [4. С. 30]. Видимо, остальные удельные владетели оказались столь же нерасторопными. В этом случае наказывать одного князя из пяти как минимум не было никакого смысла.

Обращает на себя внимание и тот факт, что историк «перенес» нападение великого князя на своего двоюродного брата с 1442 на 1440 г., чтобы легче было оправдать старшего из них. В традициях изучения истории «с обратным вектором» С.М. Соловьев заявил, что в период 1440–1445 гг. галицкий князь ждал времени

для мести [5. С. 440]. Мысль эта исходит из наличия заговора князей в 1445–1446 гг. после пленения Василия II, но едва ли Дмитрий Юрьевич стал бы искать такой возможности, если бы не произошло случайное в известной степени поражение. Образ изменника, тем не менее, получает свое развитие. Летом 1445 г. перед Суздальской битвой Дмитрий Шемяка якобы «...не пришел... несмотря на то, что к нему несколько раз посылали» [5. С. 443].

Такого рода информация отсутствует в великокняжеском летописании конца XV в. и в летописях XVI в. Нет ее и в использованных исследователем летописных источниках [4, 8, 9].

В повествовании об ослеплении Василия Васильевича Дмитрием Шемякой исследователь использовал две версии, объясняющие это событие, и он цитировал вариант, благоприятный для заговорщиков [9. С. 443], но на характеристике противников ослепленного правителя в труде историка это не сказывается. Более того, Дмитрий Юрьевич Шемяка обвинен в том, что не сдержал слова дать Василию Васильевичу и его детям вотчину [5. С. 447–448]. Основания для этого как будто в летописях есть, но некоторые моменты вызывают сомнения в обоснованности претензии, о чем речь пойдет ниже. Как и Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, ссылаясь на выражение «шемякин суд», утверждает несправедливость правления Юрьевича.

А.Е. Пресняков, предложивший по сути новое объяснение природы противостояния двух ветвей потомков великого князя Дмитрия Ивановича, сохраняет традиционный взгляд на Дмитрия Шемяку. Повествуя о конфликте между двумя князьями, произошедшем в 1442 г., автор указывает на то, что это последний обратился за посредничеством в примирении к троючному игумену Зиновию [7. С. 397], но судя по летописной информации, такое обращение было бы более логичным со стороны Василия II, едва не потерпевшего поражение [4. С. 42; 8. С. 256].

Сама по себе такая перестановка, вольная или невольная, может только показаться незначительной. От того, кто обратился за посредничеством, зависит, кто из них в данной ситуации слабее или кто виноват в конфликте. Как следствие – А.Е. Пресняков в более выгодном свете изображает Василия Васильевича, а в более неприглядном – его соперника.

Как и его предшественники, автор обвинил в распространении слуха о намерении Василия по возвращении из плена отдать Русь Улу-Мухаммеду, а самому сесть на княжение в Твери. Хотя этому исследователю, как и другим, был известен текст современной событиям летописи, который не позволяет всерьез воспринимать легенду о таком «слухе» [9. С. 443]. Характерно, что цитируя эту летопись, автор сопровождал информацию о причинах ослепления ремаркой «они винули...», т.е. он не считал возможным возложить ответственность за события 1436 и 1445 гг. (ослепление Василия Косого и приход на Русь татар соответственно) на Василия II. И если в случае с Н.М. Карамзиным и С.М. Соловьевым такой подход во многом можно объяснить политической системой, существовавшей в России, и придворным положением обоих историков фактически или по должности, то

А.Е. Пресняков в 1917–1918 гг. такому внешнему давлению подвергаться не мог, и сохранение трактовок описываемых событий было, по-видимому, результатом давления авторитетов и устоявшейся научной традиции.

Вслед за предшественниками он обвинил Дмитрия Шемяку в невыполнении обещания освободить Василия и дать ему отчину, при этом князь, по словам автора, «заставил» епископа Иону привезти к нему детей соперника из Муром, куда их увезли сторонники пленного князя, добавив между делом штрих к мрачному портрету этого князя [7. С. 401]. Между тем от ареста детей Василия Васильевича до выделения ему удела прошло всего четыре месяца – срок для Средневековья исключительно небольшой [4. С. 70–71].

Не менее выразительна и оценка, данная его деятельности в целом. Автор называет ее «происками» Шемяки [7. С. 403] и «...покушениями возбудить против великокняжеской власти все возможные элементы недовольства и опереть их на связи с внешними врагами» [Там же. С. 402]. Несмотря на кажущуюся большую рациональность второй характеристики, именно она и вызывает вопрос, как галицкий князь мог кого-то «возбуждать» против великокняжеской власти, если он сам к ней стремился? Вопрос о его взаимодействии с «внешними врагами», казанскими татарами можно считать спорным. Источники не дают оснований утверждать, что такое сотрудничество было. Некоторая «демонизация» Дмитрия Юрьевича свойственна и советской историографии.

Так, Л.В. Черепнин, касаясь событий вокруг ареста приехавшего в Москву Дмитрия Шемяки в 1435 г., во время войны Василия II с Василием Юрьевичем Косым, и его дальнейшей судьбы, утверждал: «Поскольку Дмитрий Шемяка теперь уже не представлял опасности, он был освобожден из заключения и даже получил в качестве удела Коломну» [2. С. 766–767].

Из сказанного следует, что князь, приехавший в Москву с приглашением на свадьбу, оставив свой двор в уделе, представлял угрозу великому князю, которого сам же и вернул на великое княжение в 1434 г. Задавшись в данном случае целью оправдать Василия Васильевича, исследователь обвинил Шемяку в намерениях, о которых судить невозможно.

Анализируя конфликт между князьями, произошедший в 1442 г. по инициативе Василия II Васильевича, автор приходит к выводу, что причины его «не ясны», возможно, причиной стал заговор против Василия. Оснований для такого предположения нет, и перед нами появляется очередной пример истории с «обратным вектором», когда наличие заговора в 1445–1446 гг. позволяет предполагать, что Шемяка и раньше организовывал нечто подобное.

Касаясь событий 1445 г., Л.В. Черепнин приходит к выводу, вполне соответствующему господствующей концепции, но добавляющей штрихи к негативному образу соперника великого князя: «Очевидно, в программу Шемяки входило расчленение государственной территории, находившейся под властью московских князей, на отдельные княжества» [2. С. 788]. И, наконец, мы вновь видим легенду о слухе, якобы распространяемом Шемякой, рассуждения о «шемякином су-

де», и даже обвинения в растрате Дмитрием Юрьевичем московской казны в свое недолгое правление.

Предвзятость (во всяком случае – большую, чем к Василию II) Л.В. Черепнин продемонстрировал и в рассуждении о причинах неудачи галицкого князя в удержании великого княжения. Такой причиной на рубеже 1446–1447 гг. стала, с его точки зрения, усталость всех слоев населения от войны [2. С. 801–802].

Против самого факта такой усталости возражать нет смысла, но в этом случае логичнее было бы оставить на столе правившего на тот момент великого князя Дмитрия Юрьевича, нежели возвращать Василия II. Из самой же мысли следует, что виновником войны был только Дмитрий Шемяка, что вновь делит князей на правильного московского и наносящего вред стране удельного правителя.

А.А. Зимин, вопреки традиции, оценивал Дмитрия как «самого блистательного сына этой мрачной эпохи» [1. С. 202]. Он являлся, с точки зрения исследователя, лидером в борьбе с татарами, отличался «широкими *государственными* замыслами», ну и, наконец, «Князь Дмитрий смотрел дальше, чем это полагалось по неписанным законам истории», и именно по этой причине «Гибель Шемяки была предreshена» [1. С. 202]. Политические взгляды его описывались вполне традиционно – он борец за «старину» [Там же. С. 71]. Захват власти в 1445 г. Дмитрием Юрьевичем объясняется в том числе и данным обстоятельством: «он стал на Руси старшим в роде Калиты и до тех пор, пока Василий Васильевич находился в плену, обладал великокняжеским престолом, согласно традиционным представлениям о порядке наследования» [Там же. С. 105].

Конкретные действия князя, которые могли быть оценены негативно, так или иначе автором оправдываются, но зачастую с ним невозможно не согласиться. Так, обращаясь к походу на Белев, замечает, что русские войска под руководством Дмитрия Шемяки и его родного брата Дмитрия Красного грабили русское население, *по сообщениям великокняжеского летописания*. Реального хода событий мы действительно увидеть не можем, поскольку не все летописи говорят о грабежах по отношению к русским. Молчит об этом, в частности, доступная всем исследователям, кроме Н.М. Карамзина, Львовская летопись [8. С. 240–241].

Обобщая трактовки деятельности Дмитрия Юрьевича Шемяки, предложенные историками в XIX–XX столетиях, можно не только констатировать негативное по преимуществу отношение к этому персонажу, но и наибольшую пристрастность к нему. Образ этого князя более противоречив и политизирован, чем в других случаях.

При всем различии целей, поставленных перед собой исследователями, можно увидеть некоторые, в значительной части уже обозначенные выше, общие элементы и характеристики как князей, так и авторских оценок их деятельности. В любом случае присутствует противопоставление двух ветвей одной семьи так, как будто это две непримиримые силы с различными взаимно неприемлемыми целями. Подразумевается, что одна из этих ветвей, если можно так выразиться, не совсем московская. Почти всегда мрачный образ галицкой ветви московских князей, да и предложенный

как альтернатива почти идеальный их портрет как две стороны одной медали, свидетельствуют о специфическом пристальном к ним внимании. И так же, в любом случае подчеркнутая или подразумеваемая, но присутствует эмоциональная оценка князей и их деятельности.

Вместе с тем совершенно очевидно, что о жестком противопоставлении так называемых «великих князей» Юрию Дмитриевичу и его сыновьям говорить не приходится.

Во-первых, в конфликте явно участвовали все ветви потомства великого князя Дмитрия Ивановича. Это брат Василия I Андрей Дмитриевич [8. С. 233] и самый младший из братьев и самый оппозиционно настроенный (кроме Юрия) – Константин, прохладное отношение которого к Василию II Васильевичу и его статусу проявилось еще в 1419–1421 гг. [9. С. 427] и подразумевалось в 1433 г. [4. С. 17].

Особое внимание обращают на себя сыновья Андрея Дмитриевича. Михаил Верейско-Белозерский все время войны лавировал между двумя претендентами, не выступая открыто ни на одной стороне и принимая победителя. Иван Можайский, как известно, выступал с оружием в руках и на стороне Василия II (в 1433–1436 гг.), и на стороне Дмитрия Шемяки (в 1445–1449 гг.).

Во-вторых, что значительно важнее, сами «оппоненты» далеко не всегда соперники по отношению к князю, сидящему в Москве. Василий Косой и Дмитрий Шемяка в 1433 г. находились в дружеских отношениях с Василием II [8. С. 238].

Если исходить из предположения А.А. Зимины, такое положение дел имело место не позднее 1427 г. [1. С. 40–41]. В 1434 г. Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный поддерживали Василия Васильевича против своего родного брата Василия Юрьевича Косого. И если старший из них придерживался нейтралитета, то младший участвовал в военных действиях [4. С. 21–22; 8. С. 240]. Обращает на себя внимание и тот факт, что четкого обоснования идеи о существовании так называемых «старой» и «новой» традиций наследования великокняжеской власти историки не предложили. Следовательно, по меньшей мере одна причина конфликта или его трактовка оказываются спорными.

Данные князьям личные оценки, в том числе в моральном плане, также вызывают сомнения. Информация по данному вопросу только косвенная и к тому же незначительная по объему. В частности, все доводы в пользу жестокости, вероломства или малодушия могут быть в равной степени применены ко всем русским князьям, в частности, ко всем участникам династических войн в московском княжестве второй четверти XV в. То же можно сказать и о восторженных отзывах.

В этой связи представляется чрезвычайно важным отметить, что большую роль в существующих представлениях продолжают играть построения Н.М. Карамзина и, в еще большей степени, – государственной исторической школы.

Интересно, что монография А.А. Зимины более десяти лет не была опубликована именно потому, что трактовка событий автором отличалась от построений, свойственных XIX в. Исследователя не спасла даже абсолютная приверженность марксистскому подходу,

который оказался в данном случае менее влиятельной концепцией, чем теория родового быта и идеологические усилия самодержавия первой половины – середины XIX в.

Можно предположить, что практически всегда в трактовках историков присутствовал интерес государственной власти: Н.М. Карамзин был, как известно, придворным историографом Александра I; С.М. Соловьев – преподавателем истории многих представителей императорской фамилии. Парадоксальная ситуация вокруг монографии А.А. Зимина – это также решение властных структур. Такое совпадение при

различных подходах и концепциях обращает на себя внимание при изучении данного периода отечественной истории и приводит к необходимости в очередной раз обратиться к летописным источникам, служащим основой для всех исследований данного периода, тем более что такого рода работа в самом общем плане уже предпринималась [10]. Летописи XVI в., безусловно, должны оказаться на вторых ролях, тогда как более пристальное внимание должно быть уделено летописаниям середины – второй половины XV в., как официальным великокняжеским, так и «независимым».

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV века. М.: Наука, 1991. 286 с.
2. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и социально-политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1992. Т. IV. 478 с.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 12: Никоновская летопись.
5. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 18 кн. М.: Голос, 1993. Кн. 2. 768 с.
6. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1988. Т. 2.
7. Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. № VI. 458 с.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1: Львовская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. [IV] 420 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1, вып. 1: Новгородская IV летопись. М., 2000. 686 с.
10. Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 марта 2011 г.